

Максуд Ибрагимбеков

Сезон саранчи

Фантазмагория, возникшая в результате взаимодействия достоверных событий и поведения реальных людей и нелюдей.

В тот вечер, прохладный ноябрьский вечер 1992 года, я был на даче и ждал приезда моего старого приятеля и соседа по городскому дому Сеймура Мамедова, который обещал, что, когда будет возвращаться из Бильгя, где находилась его дача, в город, захватит меня. Настроение тогда у всех было подавленное. С одной стороны на Азербайджан наступали армяне, с другой – море.

Армяне свирепствовали. Наступая, они разрушали города, выжигали дотла деревни, не щадили женщин и детей. Ради того чтобы завладеть куском территории своих соседей, грабили и убивали с неслыханной жестокостью людей, которые никогда ничего плохого им не делали. В это же время, удовлетворенно урча, Каспий слизывал с поверхности земли дома, дороги, линии электропередачи, оливковые рощи и виноградники. В этом нельзя было усмотреть подлость и вероломство, потому что стихия, в отличие от людей, всегда бескорыстна и слепа. Видимо, поэтому население относилось к наступлению моря внешне спокойно и, зная, что остановить разгул Каспийского моря им не под силу, невесело подсчитывало ежедневные убытки от невиданного потопа. Последние несколько лет уровень воды непрерывно поднимался и той осенью, казалось, достиг максимума. Море размыло пляж, который находился на расстоянии двухсот метров от моего дома, смыло холм вместе деревьями, ресторан и чайхану. Теперь волны бились о забор моей дачи и возникали над ним радужной россыпью брызг. Это красивое зрелище никого не радовало, кроме разве только собаки, черного ньюфаундленда, который, завидев с крыльца многоцветное водяное облако, бросался с радостным лаем к забору, упирался в него передними лапами и, постанывая от удовольствия, подставлял под брызги мохнатое тело. По всему было видно, что душ из-за забора ему нравится даже больше, чем морское купанье, занятие, которому он предавался каждый день независимо от погоды.

Назад

1992 год навсегда останется в истории страны символом потерь и унижений, символом предательства и нищеты.

В Азербайджане у власти тогда находился Народный фронт. Организации, объединившиеся под названием Народный фронт, были созданы в конце восьмидесятых годов по инициативе Г. Бурбулиса почти одновременно во всех союзных республиках СССР. По замыслу Геннадия Эдуардовича, Народный фронт должен был стать для населения каждой республики, одурманенного коммунистической пропагандой и нравственно

изуродованного советским образом жизни, форпостом демократии. Источником и рупором идей свободомыслия. И само название – Народный фронт – для своего детища Геннадий Эдуардович, человек с чувством юмора и незаурядный во всех отношениях, любовно придумал сам. За семью печатями скрыта тайна, из каких источников финансировалась в тот советский период бурная и многогранная деятельность Народного фронта, доподлинно только известно, что не из государственного бюджета.

Повсеместно на всей необъятной территории СССР начался процесс демократизации общественного сознания. Злые языки в те времена утверждали, что между демократией и демократизацией такая же разница, как между каналом и канализацией. Но все понимали, что эта несмешная шутка не что иное, как плод бессильного недоброжелательства. К признакам, предвещающим грядущие перемены, сведущими людьми были причислены и некоторые приметы. Из черных глубин космоса явилась к нам предвестница революций, дворцовых переворотов и цареубийств комета Галлея. Без всяких на то разрешений и виз приземлился на самолете среди бела дня у главного входа в Кремль иностранец Матиас Руст. А Пугачева, обскакав всех предсказателей и прославленную Вангу, спела пророческую песню «То ли еще будет, ой-ёй-ёй!»

Ах, какое это было романтическое время. Люди пьянели от ощущения дозволенной свободы. В обиходе того времени зазвучали такие непривычные для нашего уха слова, как недвижимость, банковский счет, права личности, Багамы, консенсус и другие, не менее приятные и волнующие слух и воображение советского человека выражения. Многие представители творческой интеллигенции стали мечтать об отмене грабительских налогов за зарубежные издания и цензуры, а рабочие и служащие, коллективно испытывая внезапно возникшее отвращение к профсоюзным домам отдыха и автобусам, возмечтали о загородных коттеджах и иномарках. Самым модным и престижным бытовым предметом стал видеоманитофон. Люди, сидя дома и поначалу не веря глазам своим, смотрели запрещенные в СССР фильмы вроде «Крестного отца», «Последнего танго в Париже», «Калигулы» и «Эммануэль». Все требовали хлеба и зрелищ, которых на всех не хватало никогда, и раньше на это никто не обращал особого внимания, но теперь этот дефицит вдруг стал очень раздражать развивающийся с поразительной скоростью интеллект обывателя. Одним словом, у социализма стали вырисовываться долгожданные контуры приятного человеческого лица.

Тетя Бильгеис и ее племянник Рахман Бадалов в свободные от митингов вечера дуэтом пели марсельезу на мотив Мулейли. А либерально настроенная часть интеллигентов, подбадривая друг друга воспоминаниями о пережитых за годы советской власти обидах и притеснениях, а также убедительными доводами в пользу многочисленных преимуществ демократического общества по сравнению с тоталитарным режимом, группами сдавала партбилеты насмерть перепуганным парторгам. Другие, осмотрительные и дальновидные, надежно заперев партбилеты в сейфы до лучших времен и не вступая в потенциально

опасные дискуссии со всякого рода узколобыми партократами районного масштаба, прекращали платить взносы и посещать партийные собрания.

Полновластно правящая семьдесят с лишним лет на одной шестой части суши коммунистическая партия умирала без криков о помощи в затихающих конвульсиях, не совсем сознавая, что с ней происходит, подобно человеку с быстрорастущей злокачественной опухолью в головном мозге. А тем временем Народный фронт в Азербайджане становился все более популярной и влиятельной организацией, к нему примкнула и часть интеллигенции, которая, убедившись в бессилии властей, не сумевших решить карабахскую проблему, увидела в Народном фронте единственного защитника, способного противостоять армянской агрессии. Это укрепило позиции Народного фронта, большинство которого составляли люмпены. К этому времени Народный фронт реально превратился в главную политическую силу в стране.

В декабре 1991 году в Беловежской пуще встретились Ельцин, Кравчук и Шушкевич и, выполняя волю куда более значительных людей, подписали акт о роспуске СССР, предоставив этим независимость всем пятнадцати союзным республикам. В их числе независимость была дарована и Азербайджану. Понятно, что Народный фронт Азербайджана, вопреки его утверждениям, так же как и «фронты» всех остальных союзных республик, к обретению независимости страны не имел ни малейшего отношения. Если не считать того факта, что, благодаря его поспешным и суетливым действиям, на улицах тогда еще советского Баку совершенно напрасно пролилась кровь наивных людей. Этим прекраснодушным патриотов, в основном молодежь, «фронтвики» выводили ночью из домов и, надежно обеспечив собственную безопасность, цинично подставляли «во имя независимости народа и страны» под пули вводимой в город Советской армии. Поэтому всем свободолюбивым гражданам нашей страны, испытывающим радость в связи с обретенной независимостью, следует быть благодарными не марионеткам из Беловежской пущи и не платным демагогам-бунтарям внутри страны. Благодарить за дарованную независимость надо тех, кто, по-хозяйски решая задачи по переделу власти и влияния во всемирном масштабе, щедро финансировал и организовал, так сказать, в централизованном порядке развал строптивой и непредсказуемой в поступках империи. Империи, которая при желании могла бы превратить в кладбище всю планету, но оказалась бессильной спасти самое себя.

С головой погрузившись во внутригосударственную российскую политику, к середине 1991 года Г. Бурбулис перестал заниматься Народным фронтом, и дело координации и развития демократических движений в национальных республиках полностью взяли в свои руки известные демократы Г. Старовойтова и С. Шахрай.

В мае 1992 года Народный фронт Азербайджана пришел к власти. Кстати, во всех других странах постсоветского пространства организации Народного фронта просуществовали

недолго, они начали чахнуть вскоре после того, как были созданы. Еще через некоторое время, видимо, за ненадобностью, почти все они благополучно вымерли. Народный фронт нужен был в Азербайджане, и было сделано все необходимое для его развития и процветания.

Порывы холодного ветра становились холоднее, предвещая шторм, пронзительно кричали чайки. Полюбовавшись в последний раз своим забором, которому суждено было рухнуть вечером того же дня, я позвал собаку и направился к дому.

Как всегда, Сеймур был точен. Это был человек, наделенный от природы ценным качеством – нравиться окружающим, не прилагая для этого усилий, от него исходила доброжелательная волна энергии и тепла. Благодаря общительному нраву, а может быть, и профессии, Сеймур был известным в Баку юристом, он всегда находился в курсе всех городских новостей. В доме мы пробыли недолго, электричество, газ и телефон не напоминали о себе давно, дело привычное, но уютнее от этого не становилось.

– Кстати, я прочитал вчера в какой-то газете интересное сообщение: за границей появились карманные телефоны, называются сотовые или мобильные. Принцип действия очень простой...

– А карманные электростанции не появились? – торопливо успел вставить я, зная, как Сеймур любит поговорить о новинках техники, – они еще нужнее.

– Вот ты шутишь, – сказал Сеймур, – а у них там чуть ли не каждый день появляются удивительные вещи. – Он вынул из кармана авторучку золотистого цвета и протянул ее мне. Ручка оказалась неожиданно тяжелой.

– Ты думаешь, это авторучка?

– Она что, ртутью заправлена?

Сеймур взял у меня ручку:

– Смотри! Ставим зажим в вертикальное положение. Что мы теперь видим под зажимом? Правильно, красную кнопку. – Сеймур осторожно вернул зажим в обычное положение. – Так вот, если эту авторучку с расстояния в пределах тридцати метров направить на какой-

нибудь объект вроде танка и нажать эту красную кнопку, то у этого объекта тут же начнутся большие неприятности. Впечатляет?

– Об одноразовых пистолетах-авторучках и шпионских зонтиках с отравленным наконечником мне доводилось слышать, но авторучка-гранатомет... По-моему, даже у Джеймса Бонда такой не было. Ты только представь себе: танк против этой авторучки! Или наоборот. А как насчет крейсера или самолета? Где ты ее взял?

Нигилизм, безответственный нигилизм, разъедающий веру в чудеса и необычное, на глазах сделал свое черное дело – Сеймур положил ручку в карман:

– Скорее всего, ты прав. Но... Мне ее подарил клиент. Директор краснодарского нефтеперерабатывающего объединения. Я для него трудное дело в ростовском суде выиграл. Серьезный человек. Странно...

Мы вышли на улицу. Шум моря слышен был здесь гораздо слабее. Так же как и всегда в это время года, вокруг никого не было видно. Сеймур вынул ключи и подошел к машине, но вдруг что-то привлекло его внимание.

– Видишь ржавую помятую цистерну за железнодорожной насыпью?

– Еще как вижу! Десять лет здешний пейзаж украшает.

– Вот мы на ней сейчас и испытаем авторучку. Все-таки тот парень, мой клиент, на шутника не похож. Попробуем?

Мы перешли железнодорожную насыпь, которая еще месяц назад, до того как по решению Народного фронта на всем ее протяжении со столбов была содрана контактная сеть, именовалась электрической железной дорогой. По сведениям Сеймура, контактная сеть в качестве лома цветных металлов была вывезена в Иран, а вырученные от продажи деньги были поделены между инициаторами сделки. Сеймуру были известны имена продавцов и название иранской фирмы, купившей для переплавки действующее оборудование, в результате чего движение пригородных электропоездов прекратилось полностью и, по всей видимости, навсегда. Сеймур, отмерив от бывшей цистерны тридцать пять шагов, что, по его мнению, соответствовало тридцати метрам, занял позицию в избранной точке. Я встал рядом с ним. Все это со стороны, наверное, выглядело смешно, в связи с чем, пока мы там стояли, я ни разу не пожалел о том, что никто из соседей нас не видит.

– Я хотел ее военным отдать, но в твоих рассуждениях, несомненно, есть смысл, поэтому сейчас мы сами выясним, что это такое на самом деле, – сказал Сеймур. Одновременно с этим он, держа авторучку в левой руке, нацелился ее кончиком, если так можно выразиться, в цистерну, затем поставил в вертикальное положение зажим и нажал на красную кнопку... И ничего не произошло.

– Надо было тебе громко сказать: «Пли!» – тогда она выстрелила бы, – сочувствующим тоном посоветовал я. – С первого взгляда было ясно, что она запрограммирована на команду «пли».

– Смеяться над другом легко, гораздо труднее купить ему горячий бублик, – проворчал Сеймур, целиться он перестал и теперь с заметным пренебрежением рассматривал авторучку. – Ладно, боевые испытания закончились. Поехали в город!

И в этот самый момент все и началось. Раздался хлопок, не громче чем от пробки шампанского, а в руке Сеймура остался лишь колпачок авторучки, разогревшийся в одно мгновение так сильно, что обжигал теперь пальцы, и Сеймур бросил его на землю. На цистерне исчезновение основной части бывшей авторучки никак не отразилось. Но что-то, несомненно, произошло, и Сеймур увидел это первый. Я посмотрел по направлению его взгляда и вначале ничего необычного не заметил: улица, на которую выходили лишь глухие каменные заборы, продолжала оставаться пустынной, лишь недалеко от того места, где были мы, рядом со свежескрашенными зелеными воротами стояло несколько машин. Сеймур неотрывно смотрел на стоящую метрах в тридцати от цистерны, справа от нас, серую «Ниву», внутри которой висел оранжевый огненный шар размером с футбольный мяч. Он провисел спокойно еще секунды две-три и вслед за этим, резко потеряв форму, превратился в бушующее пламя, охватившее все внутреннее пространство машины. Это длилось несколько долгих секунд. Мы молча смотрели на плоды успешного воскресного отдыха, первым заговорил Сеймур. Сказанное Сеймуром опытный психолог, несомненно, расценил бы как следствие нервного шока.

– Вот видишь! – обратился он ко мне, – я в Тарасе не ошибался. Он надежный человек

– Кто такой Тарас? – почему-то спросил я, хотя из самых надежных, что называется, первоисточников, мне было известно, что в тот момент мне абсолютно не хотелось знать, кто такой вышеупомянутый Тарас.

– Тарас Овчаренко. Тот, который подарил мне авторучку. Я на минуту в нем усомнился, а теперь гора с плеч. Я всегда говорил, что если человек настоящий интеллигент, то ему можно доверять во всем, а Тарас...

– Посмотри туда! – перебил я. – Видишь, горит чужая машина, которую подожгли два человека, как минимум один из которых, вполне возможно, интеллигент. Мы влипли в неприятную историю. О Тарасе забудь.

– Это неприятность, – согласился Сеймур, – но есть, дорогой мой, в этом мире вещи поважнее, чем сгоревшая машина. Ущерб я возмещу...

– Мы возместим.

Происходящее напоминало сон. Машина теперь была охвачена огнем и снаружи и горела, весело потрескивая, как стожок высушенной соломы. Если бы ветер задул посильнее, то огонь мог бы перекинуться на соседние машины. К счастью, этого не произошло.

– Надо пойти сказать, что машина горит, – сказал я, но Сеймур схватил меня за руку.

– Сейчас бензобак взорвется!

Почти одновременно со сказанным машина, горевшая почти беззвучно, взорвалась с оглушительным грохотом. На какие-то неуловимые доли секунды огонь сдуло взрывом, но он почти тут же вернулся в виде бушующего темно-красного дымного пламени, в невидимом эпицентре которого находилась машина.

– И все-таки мы подбили не танк, а легковую, можно сказать, жестяную машину, – понимая, что незнакомый мне Тарас одержал верх, тоном опытного шулера напомнил я.

Великодушие Сеймура по отношению к побежденному оказалось беспредельным – он промолчал. Из всех домов на улицу выскочили люди: больше всего их выбежало из ворот, рядом с которыми догорала жертва «авторучки», – человек десять, мужчины и женщины, и стали дружно тушить пламя. Кто-то принес огнетушители. Из двух огнетушителей один злобно шипел и плевался мелкими кусочками желтой пены, второй оказался исправным, и с его помощью пожар был ликвидирован. С нами здоровалось множество людей, но вопросов нам никто не задавал, видимо, они думали, что мы, как и все остальные, вышли

на шум взрыва. Если бы дамы суетились и визжали не так усердно, то создавалось бы впечатление, что пожар потушен окончательно.

– Подойдем и объяснимся, – предложил я. – Узнаем, кто владелец машины, по-моему, проще это сделать сейчас же на улице, прежде чем они вернуться в дом.

– Извини, но это не очень удачная мысль, – возразил Сеймур. – Не стоит прямо сейчас заниматься этим делом, слава богу, не пожар. Положись на меня, я завтра же все улажу!

– При том, что мы не знаем даже, кто владелец машины и ее номер, найти нам его будет непросто. Не будем откладывать. Договоримся обо всем сейчас.

– Ты только представь себе, как это выглядит со стороны: мы с тобой, два немолодых седых человека, подходим к группе подвыпивших людей и начинаем над еще теплыми останками своей жертвы рассказывать им, что мы среди бела дня промахнулись, и из авторучки вместо танка, извини, вместо ржавой цистерны подожгли их «Ниву». Что-то неохота мне идиота из себя изображать. Такие переговоры нужно вести наедине, а не в окружении незнакомых друзей и родственников клиента. А владельца мы найдем завтра же, не беспокойся. Во-первых, я запомнил номер машины, а, во-вторых, среди тушивших пожар был один мой знакомый, бывший зампреда здешнего райисполкома Заур Новрузов. А теперь, я тебя прошу, садись в машину, скоро стемнеет – я думаю, на сегодня нам приключений достаточно.

В одном Сеймур, несомненно, был прав: задерживаться не стоило. С наступлением темноты грабежи стали обычным делом, вооруженные люди в военной форме приглянувшиеся им машины отбирали, а пассажиров, обыскав и отобрав ценности, отпускали восвояси. Считалось, что это не самый худший исход. В тех, кто не останавливался по первому требованию, стреляли. Жаловаться было бесполезно, да и некому, потому что к тому времени во всех правительственных и административных учреждениях все ключевые места были заняты теми же «фронтниками», или беками – именно так, не имея на это звание ни малейшего права, они самозвано именовали себя.

В город мы приехали, когда совсем стемнело. Проезжая по безлюдным улицам, первые признаки жизни мы обнаружили в виде очереди в хлебную лавку в нашем доме. Полки были пусты, но очередь не расходилась, потому что завмаг Аслан, не прибегая к посредникам в лице продавщиц Мани и Сурайи, сам вышел к людям. Аслан сказал, что машину на хлебозаводе уже начали грузить и через какой-нибудь час с хвостиком хлеб будет здесь.

В очереди стоял наш сосед из второго подъезда Гасан-бек, геолог, недавно ему исполнилось восемьдесят девять лет, но по вечерам покупать хлеб спускался всегда с пятого этажа он сам, не позволяя это делать жене и дочери, возраст которых в сумме был меньше его лет на тридцать.

Нам с Сеймуром он обрадовался, впрочем, как выяснилось, настроение у него было хорошим и до этого.

– Вы приехали в удачный вечер, – говорил он, как и большинство людей со слабым слухом, громко. – Чудо! В доме одновременно горит свет, идет газ и работает лифт. На языке бильярдистов подобное называется невозможный двойной карамболь, очень подходит к сегодняшней ситуации. Наверное, сегодня у бандитов какой-то тайный праздник. Может быть, не дай бог, еще один район армянам продали за хорошие деньги. Вы ничего не слышали?

– Вчера передали, что мы перешли в наступление, – сказал Сеймур.

– Не верьте, – прокричал ему Гасан-бек. – После того как они без единого выстрела продали армянам неприступную Шушу, я окончательно убедился, что это очень опасные фармазоны. Их всех должен судить военный трибунал! И всех нас вместе с ними – за то, что мы молчим.

– Я полностью с вами согласен, – вежливо сказал Сеймур. – За исключением того, что военный трибунал нас с вами судить не может, так как мы люди штатские. Нас должен судить обычный гражданский суд за пособничество в деятельности государственных преступников.

Мы расстались у моего подъезда. Сеймур после разговора с Гасан-беком все еще улыбался:

– Неделю назад его жена вызвала районного врача. Заодно он осмотрел и Гасан-бека. «Для вашего возраста, Гасан-бек, у вас отменное здоровье, – сказал врач. – Что я могу вам рекомендовать? Нормальное сбалансированное питание, поменьше в рационе мяса, побольше овощей и фруктов, свежий воздух и уход». «Доктор, – ответил Гасан-бек, – питаюсь я нормально, со свежим воздухом тоже все в порядке, сплю с открытым окном, каждое утро гуляю по бульвару. А вот насчет ухода... доктор, они не уйдут».

В одиннадцать часов вечера того же дня я смотрел «Новости». И вдруг на экране появился черный остов сгоревшей «Нивы», а вокруг него несколько очевидцев пожара. Репортаж с места происшествия вел популярный телерепортер, который сказал, что сегодня было совершено покушение на заместителя председателя районного отделения Народного фронта Сабир Мамедов, которому чудом удалось спастись от верной смерти. После чего передал микрофон потерпевшему, человеку лет тридцати пяти, невыразительной внешности, с маленькими бегающими глазками. Первым делом Сабир Мамедов поблагодарил Бога за чудесное спасение. При этом как-то очень ловко истолковав ниспосланную ему божью милость, в том смысле, что она оказана ему главным образом для того, чтобы он, Сабир Мамедов, вместе со своими единомышленниками из Народного фронта и дальше имел возможность отдавать все силы во имя демократии. А также победы над армянами и укрепления свободы родины во славу и благополучие любимого народа. Более спокойным тоном он сказал, что сегодняшнее покушение на него не первое. Несколько раз ему удавалось на большой скорости уйти от преследователей, отстреливаясь на ходу. Далее Сабир Мамедов сказал, что существуют факты, свидетельствующие о том, что за ним охотятся агенты бывшего КГБ. Предложение репортера рассказать телезрителям об этих фактах Сабир Мамедов отклонил, сказав, что сделает это в свое время.

Я тут же позвонил Сеймуру, но ни он, ни его жена трубку не взяли. Звонил я ему несколько раз и на следующий день. Сеймур появился на исходе второго дня. Оказалось, что все это время он вместе с женой провел в городской больнице, где в реанимационном отделении находился его племянник, студент Акиф, с проникающим ножевым ранением в печень. Он с однокурсницей шел днем по набережной, когда к ним подошли два человека и спросили, почему они говорят на русском. Акиф объяснил им, что это его дело и никого больше не касается. За такой ответ один из них ударил его ножом, а второй снял с головы форменную фуражку и стал стирать ею с лица плачущей девушки помаду, приговаривая при этом: «Нам здесь шлюхи не нужны. Хочешь говорить по-русски – уезжай в Россию». Сегодня состояние парня улучшилось и врач, приятель Сеймура, обещал перевести его завтра в хирургическое отделение.

– Демократы сейчас усиленно насаждают ксенофобию. Организованные группы людей стали оскорблять русских на улице, в транспорте, по телефону. Угрожают расправиться, если те не уедут из Азербайджана. И в адрес лезгинов начали говорить гадости в их присутствии. Зачем они это делают?

– То же самое происходит в Москве. Такого звериного национализма в России никогда раньше не наблюдалось. Воинствующий национализм – это общая линия псевдодемократов. Объекты травли разные, а линия одна.

– Но зачем им это нужно? – повторил Сеймур.

– Наши доморощенные демократы ничего напрасно не делают. Значит, есть в этом какой-то, нам пока еще неведомый, подлый смысл. Согласен?

– Согласен, – сказал Сеймур, – я и с Лениным согласен. Наверное, он не ошибался, утверждая, что кухарка способна управлять государством, но вряд ли он имел в виду кухарку вороватую, лживую и блудливую.

– Да уж, что и говорить, – ответил я. – Конечно, желательно, чтобы кухарка была чиста на руку и опрятна.

Если бы дело ограничивалось только этим. Лидеры Народного фронта вдруг стали выступать с планами объединения Северного и Южного Азербайджана в единое государство. По сути, это пожелание Народного фронта по поводу объединения двух территорий, заселенных азербайджанцами, ничем не отличалось от притязаний Армении на Нагорный Карабах. Логика до отвращения знакомая: если и там и здесь живут армяне, надо эти территории объединить, если и там и здесь живут азербайджанцы, то, опять же, следует эти территории объединить. Причем мнением суверенных стран, в состав которых входят намеченные для объединения территории, ни Армения, ни Народный фронт не поинтересовались. Следует отметить, что различие в подходе к одной и той же проблеме у этих двух субъектов оказалось весьма заметным. Армения, засучив рукава, использовала исторический шанс, выпавший на ее долю в виде безвластия на всей территории огромной страны и заранее заручившись финансовой и военной помощью диаспоры и России, и без предупреждения, не тратя лишних слов, напала на своих соседей, зная, что те не готовы к войне.

Выраженное же в заявлениях лидеров Народного фронта патриотическое пожелание объединить Южный и Северный Азербайджан звучало как бессмысленное сотрясение воздуха. Потому что Азербайджан, в силу исторически сложившегося несоизмеримого неравенства сил двух стран, не мог тогда в самых разнузданных мечтах представить себе, что ему любым способом удастся отторгнуть часть иранской территории. Вдобавок к этому весьма увесистому обстоятельству, в то же время наша страна, непрерывно отступая, вела оборонительную войну с Арменией. Мало того, одновременно с вышеупомянутым, внутри Азербайджана разворачивали активную деятельность другие сепаратисты, а промышленность и сельское хозяйство были практически разорены «фронтавиками». На этом фоне заявления лидеров Народного фронта о желательности создания Большого Азербайджана на слух нормального человека звучали как проявления чистой воды клинического слабоумия. Но поразительно жизнеспособные, смекалистые лидеры Народного фронта, при всех их многочисленных пороках, слабоумными не были. Призыв в самый тяжелый период истории Азербайджана к объединению части Ирана с Азербайджаном был серьезной политической акцией. Воюющая Армения держалась на последнем дыхании. Она остро нуждалась в экономической поддержке. Россия и диаспора

снабжали ее вооружением и живой силой, но обеспечить ее светом, теплом и продовольствием они не могли. На помощь Турции, по известным причинам, Армения ни при каких обстоятельствах рассчитывать не могла. Иран, взявший на себя почетное бремя лидера и главного хранителя исламских ценностей в регионе, так же не мог себе позволить поддержать Армению, воюющую с мусульманским Азербайджаном. Это противоречило бы главным принципам иранской идеологии и политики. Должно было произойти нечто невероятное, чтобы заставить Иран свернуть с проторенной дороги. И это невероятное и невозможное произошло. Неоднократные заявления лидеров Народного фронта были справедливо восприняты иранским руководством как провокационная пропаганда сепаратизма и наглое посягательство на территориальную целостность Ирана со стороны государства, по отношению к которому Иран до последнего времени вел себя неизменно благожелательно и подчеркнуто учтиво. Но слова были сказаны, оскорбление нанесено! У Азербайджана по соседству появился еще один враг, а у Армении – щедрый покровитель и кормилец. Несомненно, это был успех стратегического характера.

Возможно, именно в те дни подруги и соратницы по общему делу Боннер и Кокс поздравляли Старовойтову с ее очередной победой. Товарки собрались в Ереване, для того чтобы отпраздновать успех грандиозной авантюры. И, прогуливаясь по тенистым улицам в центре города, выбирали место для будущего памятника «Три грации», который должна поставить им в будущем благодарная Армения за ту огромную пользу, которую принесли ей три эти женщины, умело управляя своими креатурами по обеим сторонам фронта.

Другим важным внешнеполитическим шагом, сделанным Народным фронтом, можно считать отказ Азербайджана вступить в Содружество Независимых Государств. Эта добровольная самоизоляция еще более укрепила экономический и транспортный барьер вокруг Азербайджана, окончательно лишив страну надежды на улучшение экономического положения. В то время в России были силы, готовые сотрудничать с нами, но самоустранение Азербайджана помешало этим людям вступить с ним в деловой контакт. Благодаря отказу вступить в СНГ, Азербайджан также лишился всероссийской трибуны, в том числе и парламентской. С трибуны парламента РФ представители Армении, в отсутствие азербайджанских оппонентов, получили возможность в доходчивой и убедительной форме рассказывать о муках и страданиях армян, имевших несчастье жить в Азербайджане. Умиляясь до слез, они посвящали слушателей в подробности исключительно миролюбивой политики Армении, которая всячески избегает ненужных жертв, но вынуждена защищать своих беззащитных соотечественников от окончательно озверевших от запаха крови головорезов-азербайджанцев. Все эти полезные сведения незамедлительно распространялись на весь цивилизованный мир. Цивилизованный мир во все это тогда верил, потому что в то время он еще не был знаком с таким уродливым феноменом, как армянская политика в отношениях с соседями. Цивилизованный мир тогда еще не представлял себе, у него тогда еще не было такого опыта, что дипломаты, депутаты и общественные деятели – представители элиты древнего народа – способны на то, чтобы беспардонно извращать до неузнаваемости факты. Скрывать сведения о кровавых преступлениях против мирного населения, о массовых убийствах детей, женщин, стариков.

Были оклеветаны и облиты грязью соседи, бывшие на протяжении десятилетий добрыми друзьями, и навсегда разорваны дружеские и деловые связи.

Отказ вступить в СНГ, выглядевший с точки зрения элементарной логики и здравого смысла причудливым политическим хулиганством, с учетом интересов Армении, оказался в высшей степени продуктивным. Ловушка захлопнулась.

После встречи с владельцем сгоревшей машины Сеймур сразу же приехал ко мне.

– История приняла совершенно неожиданный поворот! – объявил он с видом человека, собравшегося сделать забавный сюрприз другу. – Однако все по порядку. Сегодня я нашел своего знакомого Заура Новрузова, который в тот день был на пожаре, кстати, он «фронтвик», мы созвонились с владельцем сгоревшей машины Сабиром Мамедовым и поехали на встречу. О цели встречи я Зауру Новрузову говорить не стал.

По дороге в районный штаб Новрузов рассказал, что Сабир уважаемый человек, пользуется авторитетом среди товарищей как хороший организатор и прекрасный оратор. Активным членом Народного фронта он стал, еще работая слесарем на машиностроительном заводе имени лейтенанта Шмидта. Сабир Мамедов произвел на Сеймура впечатление человека неинтеллигентного. Несмотря на пышную лексику бывалого демагога с крутым демократическим уклоном, производил он впечатление человека смышленного, с быстрой реакцией. Рассказ Сеймура о наших воскресных приключениях он выслушал внимательно, не перебивая, и Сеймур чувствовал, что Сабир Мамедов верит каждому его слову.

– Попробуй догадаться, что он мне сказал после того, как я ему все рассказал?.. Не догадаешься. «Вам не удастся ничего доказать, – поразмыслив над услышанным, сказал Сабир Мамедов. – Вы же сами говорите, что свидетелей не было. Не ставьте и себя, и меня в глупое положение!» Удивленный его реакцией, Сеймур терпеливо объяснил Сабир Мамедову, что нет необходимости кому-то что-то доказывать и единственная цель его появления здесь – это извиниться и возместить ему, Сабир Мамедову, убытки в связи с поджогом принадлежавшей ему «Нивы».

– Всем известно, что это был подлый террористический акт врагов независимости нашего народа. И я вам не советую впредь говорить о том, что вы имеете отношение к покушению на мою жизнь, – отчеканил Сабир Мамедов. Он встал, дав понять, что разговор закончен. – Вы меня хорошо поняли?

– Прекрасно понял. Понятнее не бывает. И все-таки я хочу спросить, нет, не у вас, а у своего старого знакомого, – обратившись при этом к Новрузову, сказал Сеймур. – После того как я все вам сейчас рассказал, ты, Заур, тоже веришь, что это было покушение на убийство?

– Конечно, это было покушение на жизнь Сабир–бека. Я там был и все видел своими глазами, – ответил Новрузов, откровенно недоброжелательно глядя на Сеймура. – И для чего вы все это придумали? И меня в плохое положение поставили. Что-нибудь еще?

– Дело обстоит еще хуже, чем выглядит, – туманно объяснил Сеймур и ушел, кивком попрощавшись с озадаченно переглянувшимися собеседниками.

Мы сидели у меня в кабинете. Сеймур набил трубку и закурил, а я, бросивший в очередной раз курить, наслаждался запахом дыма хорошего трубочного табака.

– Мне интересно, что ты по поводу всего этого думаешь?

– Испытываю самые приятные ощущения, – сказал я. – После твоего сегодняшнего разговора мне стало понятно, что платить не придется. Подарок судьбы. Наше дело – предложить, а если Сабир Мамедов настаивает, что его машину подожгли не мы, а КГБ, пожалуйста, это его право. КГБ так КГБ. Значит, ему так приятнее. В конце концов, мания величия – явление довольно-таки распространенное и часто даже полезное, как, например, в этом конкретном случае. Наверное, этот Сабир Мамедов состоятельный человек.

– Ты что несешь? – по всему было видно, что Сеймур искренне удивлен моей реакцией. – Этот Сабир Мамедов – расчетливое болтающее ничто. И никакой манией он не страдает. Ты посмотри, как мастерски использовано это дурацкое происшествие. В течение нескольких дней из него сделали героя. Везде только о нем пишут и говорят. И это нужно не столько ему, сколько руководителям всей шайки. Его уже повысили в звании, перевели в городской штаб, выделили кабинет. И без машины его не оставили, подарили новую – «Газ-31»... Что теперь ты на это скажешь? Мания?

– На это я тебе отвечу, что я действительно не понимаю, для чего им нужно было делать то, о чем ты сейчас рассказал.

– Придуриваешься? – подозрительно глядя на меня, спросил Сеймур.

– Могу предположить, что какой-то скрытый смысл в их действиях есть, но в чем он заключается, я пока не представляю. Зря они ничего не делают, с этим я готов согласиться, – примирительным тоном сказал я.

– Все очень просто. У этого Сабира Мамедова нет опыта руководящей работы, я уверен, нет опыта никакой нормальной работы вообще. Если проверить, то выяснится, что и слесарем он был бездарным, только тем и занимался, что прогуливал и подворовывал детали. И все руководящие «демократы» как на подбор, такие же, все без нормальной трудовой биографии. Хоть и зовут друг друга беками – никто не знает, кто из какой канавки, из-под какого камушка вылез. А тут вдруг люди узнают, что на Сабира Мамедова КГБ организовал покушение, и от смерти он спасся исключительно благодаря своей храбрости и смекалке. Он чудом уцелел, а машина его сгорела, это все видели. КГБ ни за кем зря охотиться не будет, значит, Сабир Мамедов не просто болтун, а, можно сказать, боевой революционер, народный трибун и руководитель. А это им сейчас очень нужно. Дело в том, что нормальные люди во всем разобрались и постепенно от них отходят. Из настоящей интеллигенции несколько человек еще с ними, но и они в последнее время заметно заскучали, по всему видно – поняли, в какую компанию попали, и теперь ищут дверь с табличкой «выход».

– Скажу тебе откровенно, я в повадках этих скользких людей не очень ведь разбираюсь, и на митинги к ним никогда не ходил, и вообще стараюсь держаться от них подальше.

– Намек понял, – Сеймур засмеялся. – Когда-нибудь ты перестанешь меня шпынять за позорное прошлое? Да, да, я тебя не послушался, три года назад я ходил на их митинги и слушал, что там говорят, два раза сам выступал. Ну и что? Я тогда верил, что они хотят создать демократичное общество, надеялся, что у нас в стране появятся нормальные суды и главным доводом для судьи будет не взятка или директивное поручение, а выступление адвоката. А когда я понял, что для этих людей призывы к демократии – средство достижения всяких корыстных, преимущественно разрушительных целей, я прекратил с ними общение. Кроме всего, я вдруг понял, что не в состоянии выдержать, когда несколько ораторов подряд рассуждают о необходимости наличия в государственной казне в а л ь ю т ы и о том, как плохо, когда у страны в а л ь ю т ы мало, и что надо сделать, чтобы в а л ь ю т ы стало больше. А после того как я узнал, что кое-кто из руководителей Народного фронта продает горючее армянам для их боевой техники, а полученную в а л ь ю т у перечисляет на свои счета за границу, я окончательно пришел к убеждению, что они враги и предатели.

– Это еще надо доказать.

– Известны факты, и записаны фамилии тех, кто отдавал приказы, количество составов с бензином и дизельным топливом, известно, когда их отправляли, известны и адресаты. – Сеймур перевел дыхание. – Убедительных доказательств предательства и саботажа много. Это я тебе как юрист говорю. Ты умный человек, скажи, что с ними делать, к кому обратиться?

– Ты обо мне чересчур хорошего мнения, – усмехнулся я. – Был бы я умным, хотя бы приблизительно знал, как избавиться от этой ползучей заразы.

– Скажу тебе откровенно, моя единственная надежда – народ, – сказал Сеймур. – Он уже созрел, и терпение его кончается. Я с нетерпением каждый день жду, когда он поднимется и сметет эту банду.

– Народ! – поддержал я Сеймура. – О! Как же, как же!

Сеймур очень внимательно посмотрел на меня.

– Не веришь ты в народ, – сообщил он мне результат своих наблюдений. – В народ ты не веришь.

– В каком смысле? – заинтересованным тоном спросил я.

– А зря не веришь. Народ – наша единственная надежда.

Я про себя подумал, что никаких надежд на хорошее у нас не осталось. Никогда в жизни я не чувствовал себя таким несчастным и беспомощным. И это острое ощущение презрения к самому себе запомнилось навсегда. Шаг за шагом, со знанием дела разворованную, опозоренную страну подталкивали к пропасти.

К реальности меня вернул Сеймур, рассказывающий о кадровой политике демократов, которые повсюду насаждали своих людей вне зависимости от их профессиональной пригодности. По его сведениям, они снимают с должности руководителей крупных промышленных предприятий, опытных специалистов в своей области, и на их место назначают кого попало, по принципу «лишь бы фронтовик». Сегодня главными кандидатами на руководящие посты являются электромонтеры и разнорабочие – были бы

«демократами». Все разрушено – промышленность, сельское хозяйство. Теперь они взялись за искусство.

– С недавних пор я заметил, что по радио и телевидению совершенно перестали передавать классическую музыку, но как-то не придавал этому значения. А вчера, ты можешь себе это представить, группа возбужденных «фронтовиков» ворвалась в кабинет ректора консерватории и потребовала исключить из учебной программы произведения Баха, Бетховена, Грига, Чайковского и так далее, большой список, так как произведения этих композиторов вредны и действуют разлагающе на азербайджанский народ. Ректор Фархад Бадалбейли оказался крепким орешком и заявил им, что, пока он руководит консерваторией и если его не убьют, упомянутые композиторы из программы исключены не будут. Самое интересное заключается в том, что в разговоре ректора с ними выяснилось, что пришедшим не известно ни одно из подлежащих запрету произведений и никто из них, не заглядывая в список, не может правильно назвать имя хотя бы одного ненавистного композитора. Получается, они пришли не потому, что лично им не нравится классическая музыка или ее авторы. Значит, кто-то составлял список для этих темпераментных «хуньвенбинов-демократов» Кто-то их разогрел до состояния злобного возбуждения и послал в консерваторию. Кто? Кто заинтересован в том, чтобы в Азербайджане запретили Моцарта или Мендельсона?

– А что с ректором?

– Пока не сняли. Наверное, подыскивают на его место какого-нибудь сапожника с губной гармошкой.

Дел накопилось много, и несколько дней я был очень занят. Сеймuru я позвонил в воскресенье и пригласил его вместе пообедать.

– С удовольствием, – сказал Сеймур, – а после обеда я тебя обыграю в нарды. Но у меня к тебе встречное предложение. В три часа перед Домом правительства начнется митинг. Говорят, на нем выступят командиры боевых частей. Они приехали на один день. Пойдем, послушаем. Я тебя прошу.

Меня всегда удивляла способность Сеймура чувствовать себя раскованным и свободным в любой непривычной для меня обстановке. Через десять минут после того, как мы встретились у аптеки, мы, пробравшись сквозь стекающие на площадь толпы людей, сидели наверху гостевой трибуны, куда нас пропустил вооруженный до зубов охранник в военной форме, которому Сеймур сунул в нагрудный карман гимнастерки сто манатов.

Несомненно, из всех известных человечеству явлений природы, причиняющих людям беспокойство и вред, наиболее омерзительным является активная толпа, объединенная в монолитную массу единым порывом – разрушать или наводить порядок, убивать и насиловать или добиваться справедливости. Во всех без исключения случаях результат такой деятельности оказывается плачевным.

Но то, что происходило в тот день на наших глазах, не соответствовало моим представлениям о толпе. На холодном пронизывающем ветру, под морозящим дождем стояли сотни тысяч людей. Они заполнили всю площадь перед Домом правительства и, не уместившись в ее пределах, заняли все пространство между гостиницами «Азербайджан» и «Апшерон» и часть Приморского бульвара. Они стояли молча, не переговариваясь, и на их лицах застыла неподвижная маска беспредельной печали и скорби. В этом гигантском скоплении людей каждый ощущал себя одиноким и растерянным, и никто уже не рассчитывал на поддержку стоящих рядом. Каждый надеялся, что кто-нибудь – царь, президент или народный вождь объяснит им, как найти выход к свету, и скажет, ради чего им надо жить. Они ждали Слова.

– Посмотри на трибуну, – сказал Сеймур. – Наш погорелец Сабир Мамедов тоже там, раньше его на правительственную трибуну коллеги не допускали.

И тут началось то, что по сегодняшний день мне мучительно неприятно вспоминать. Я бы ни за что в это не поверил, если бы дальнейшее не видел собственными глазами. Увиденное напоминало кошмарный сон.

Сабир Мамедов опустил микрофон до уровня своего рта, после чего сказал.

– Сейчас мы проверим, кто здесь на площади настоящий гражданин, а кто – затаившийся враг. По моей команде «Садись!» все должны присесть и сидеть до команды «Встать!». Кто не присядет – тот армянин, запомните его.

Произошло невозможное: мужчины и женщины, пожилые и молодые, одновременно сотни тысяч человек по издевательской команде стали приседать и вставать.

Сеймур был потрясен, стиснув скулы, он молча смотрел на происходящее, на лбу его выступили капли холодного пота. Я никогда не видел его таким бледным.

– Не принимай все так близко к сердцу, – сказал я. – Толпа, она и есть толпа.

– Это не толпа, – возразил Сеймур. – Посмотри на площадь. Около миллиона человек – это уже не толпа, это народ. Наш зомбированный народ. Ты посмотри, что с ним сделали эти негодяи. Это конец, рассчитывать больше не на что.

Мы ушли.

Сеймур сидел напротив меня, молча пил кофе и курил. Он все еще находился под впечатлением от митинга.

– Ты же бросил курить? – понаблюдав за мной, неодобрительным тоном сказал он, увидев, что я набиваю трубку.

– Очень уж хочется. Организм требует, – твердым тоном сказал я, пресекая этим рассуждения о безволии и слабом характере. – Я тебе кое-что расскажу. Два дня назад я слетал в Нахичевань и встретился там с Гейдаром Алиевым.

Сеймур безучастно посмотрел на меня.

– Интересно. Ну и какие у тебя впечатления?

– Если нам может помочь чудо, то сотворить его под силу только ему.

– Чудо мы сегодня уже видели, – возразил Сеймур, – или ты забыл о том, что происходило полчаса назад? ...Он что, сказал тебе, что собирается приехать в Баку? Сказал?.. Может быть, дал понять каким-то образом или намекнул?

– Нет, – сказал я, – о его планах вообще разговора не было.

– И очень хорошо, потому что, если он приедет в Баку, его сразу же у трапа арестуют или, еще хуже, убьют. Я удивляюсь, как это они до сих пор до него не добрались. Не забывай, они готовы на все.

– Я думаю, он им не по зубам

– Ты, наверное, газет не читаешь. Почитай. Вся власть в руках «фронтвиков», а у Гейдара Алиева нет ни армии, ни денег.

– У него и квартиры нет. Ну и что? Я в него верю.

– Завидую. А вот я уже ни во что не верю. Я уже понял: то, что сейчас происходит в Азербайджане, это очень надолго. Потому что эти «фронтвики» поразительно изворотливые и живучие преступники. Посмотри, как они умело орудуют. Провозгласили демократию и, ловко пользуясь демократической терминологией, во имя свободы слова избивают журналистов, ради охраны прав человека убивают политических оппонентов в подъездах. Во имя безопасности мирного населения продают земли армянам целыми районами, а из тайных стратегических соображений за деньги снабжают армию противника горючим. Непрерывно нагло врут и воруют, вредят и воруют. Я не любил коммунистов, но они по сравнению с нашими демократами были невинными зайчиками. С ними не удастся покончить, даже если в Азербайджане появится настоящая законная власть. Заметая следы преступлений, они организуют новые партии под другими названиями и, опять же под лозунгами демократии, будут продолжать вредить и разрушать. Пойми, это саранча, а саранчу, если уж она появилась, искоренить полностью еще никому не удавалось. При малейшей возможности она вновь возрождается в очагах заражения. А нашу страну превратили в очаг саранчи.

– После сегодняшнего митинга все выглядит в мрачном свете, – сказал я. – Остается только надеяться на лучшее.

– И это чудовище – Сабира Мамедова – фактически создали мы. И в том, что «фронтвики» беспрепятственно губят страну и развращают народ, тоже мы виноваты.

– Подожди, подожди, – я попытался его остановить. – А в чем наша вина?

– В нашем бездействии, в нашем невмешательстве в происходящее, – ответил Сеймур. – Мы давно уже поняли, что они вытворяют, а что мы сделали, чтобы все это остановить? Ничего не сделали!

Вскоре Сеймур попрощался и ушел. В последующий месяц я несколько раз уезжал, поэтому виделись мы с Сеймуrom реже обычного. Затем в одно недоброе январское утро я узнал, что наши встречи прекратились навсегда. В пять часов утра мне позвонила жена Сеймура и сказала, что он умер. Сеймур ничем не болел и никогда не жаловался на здоровье. Он умер

так же, как в то время умирали многие, – лег вечером спать, а утром не проснулся. Мы были друзьями, и я его часто вспоминаю. И думая об этом умном, искреннем человеке, я жалею о том, что он не успел увидеть то, о чем в последние дни жизни мог только мечтать.

О том, что происходило во времена правления псевдодемократов, вспоминать неприятно, но необходимо. Надо, потому что сегодня снова можно наблюдать, как последователи псевдодемократов используют знакомые приемы. Регулярно, чуть ли не ежедневно, распускаются слухи о страшных грядущих событиях политического, экономического, технического и экологического характера. И каждый раз выясняется, что конец света в одной отдельно взятой стране – Азербайджане – в очередной раз не состоялся. Дезинформация в умелых недобрых руках – это оружие страшной разрушительной силы. При нынешней и без того трудной жизни после каждого сочиненного ужаса резко увеличивается количество инфарктов, инсультов, самоубийств и душевных заболеваний. В сознании населения искажается представление о реальности, люди теряют ориентиры, у них появляется чувство безысходности, и это очень плохо отражается на работе, семье, а в итоге и на жизнедеятельности всей страны. Многими людьми по причине политической безграмотности вся эта деятельность воспринимается как неизбежное проявление демократии, в то время как мы имеем дело с крупномасштабной продуманной диверсией. Одновременно с этим разнообразные шустрые ильгары мамедовы из АМИП и других новообразований, не забыв упомянуть о свободе слова и пользуясь безнаказанностью, подавляют инакомыслие, позволяют себе нагло одергивать тех, чье мнение расходится с их суждениями. Главная их цель – создать в стране климат, при котором окажется возможной дестабилизация. Тогда можно будет, опираясь на толпы люмпенов, снова рвать страну на живые части и вновь, как в добрые старые времена, все воровать и все продавать. Ради этой же заманчивой цели – дестабилизации – они сегодня требуют, чтобы Нагорный Карабах вернули срочно и без всяких условий, желательно сегодня. Проблема Карабаха – наша общая боль, но именно они демонстрируют припадки патриотизма, именно их больше всех возмущают медленные темпы мирных переговоров. Ходом мирных переговоров не удовлетворены мы все – начиная от президента страны и кончая бездомным беженцем. Но, и это очевидный факт, нужно терпение, нужны компромиссы и уступки, потому что, ежу понятно, завоеванные в войне земли за просто так не возвращают. Они притворяются, что им это непонятно, и призывают к активным действиям народ. Они требуют незамедлительного безоговорочного возвращения Нагорного Карабаха так настойчиво, как будто не они сами позорно проиграли его армянам, а какие-то другие, посторонние люди сдали его в аренду, и срок этой аренды истек позавчера. А цель одна – сорвать переговоры и любой ценой дестабилизировать обстановку. Я все-таки надеюсь, что они отдадут себе отчет в том, что создать в стране, как прежде, управляемый хаос не удастся, их поезд ушел, но разрушительная деятельность, как нескончаемый процесс, выгодна сама по себе. Организации и лица, заинтересованные в нарастании деструктивных событий в Азербайджане, платят не так много, как хотелось бы, но на обеспеченную жизнь хватает.

Сеймур оказался прав – полностью саранчу уничтожить невозможно. Пользуясь его образной терминологией, следует обратить внимание на появление молодой генерации, имеющей явные признаки вырождения и гораздо менее жизнеспособную, чем породившая их стая. На общем фоне вялой, безынициативной серо-зеленой массы выделяются немногочисленные активные экземпляры. Специалисты в области политической энтомологии считают их, несмотря на склонность к беспричинной агрессивности и всеядности, менее опасными, чем предыдущее поколение, из-за их врожденной неспособности летать. Представители этого подвида передвигаются по земле короткими гарцующими скачками, периодически ненадолго вспархивая в воздух для отправления естественных нужд. Если не считать антисанитарных последствий, то серьезной угрозы они не представляют, но при одном обязательном условии: регулярно следует принимать профилактические меры для того, чтобы заклятым доброжелателям Азербайджана не удалось поставить на крыло основную стаю. Необходимо внимательно следить за тем, чтобы в стране не возникли условия для активизации многоопытной, беспредельно прожорливой саранчи, которая, нетерпеливо суча ногами и подрагивая усиками, дожидается своего сезона.

«Бакинский рабочий»

Август 2001